

«РАЗУМ ХРИСТОВ» И «ЛЮБОМУДРИЕ»: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ МУДРОСТИ В НАРОДНО-ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА *

В статье затрагивается проблема двух культурных моделей, имевших место в старообрядческой литературе в XVII–XX вв. Основное внимание уделено новым тенденциям в риторической культуре Выга в XVIII столетии.

Ключевые слова: риторика, старообрядцы, барокко, проповедь.

В Священном Писании обозначены два основных пути достижения мудрости – через собрание, накопление знаний и через откровение. Первый подробно описан в древнейших книгах Ветхого Завета, так называемых «Книгах Премудрости»¹, основанных на «письменности мудрых», широко распространенной на всем древнем Востоке. Метод «мудрых речений» («машалов») – «собрание плодов жизненного опыта», искусство жить и находиться на интеллектуальном уровне [Библия, 1989. С. 1923]. Ветхий Завет знает и другой путь, но он более акцентирован в Новом Завете, в частности, в посланиях апостола Павла, полемически в ответ на «мудрость» книжников и фарисеев провозгласившего «буйство» (безумие) проповеди: «Проповедь моя не в препретельных человеческия мудрости словесех, но в явлении Духа и силы» (1 Коринф 2:4); «Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть» (1 Коринф 3:18); «Мы (убо) буи Христа ради, вы же мудри о Христе; мы немощни, а вы крепци; вы в славе, а мы в бесчестии» (1 Коринф 4:10)². Крайнее проявление путь к истине, выраженный в новозаветных парадоксах, нашел в феномене юродства, причем слова «буй» и «юрод» в старославянском языке употреблялись как синонимы. Сознательно, «Христа ради» принимая личину безумия, отказываясь от всех социаль-

но приемлемых характеристик личности, в том числе от интеллектуального багажа, юродивый таким образом вершил свой путь к Абсолюту [Лихачев и др. 1984. С. 72–153; Иванов, 1994]. Обретение знаний не через выучку, а через чудо откровения – мотив, хорошо известный и в древнерусской агиографии³.

Два понимания истинной мудрости отразились, очевидно, в двух противоположных концепциях писательского труда и, соответственно, в разных теориях текста, имевших место в Средневековье, при переходе к Новому времени, а также в письменности старообрядцев, преемственно связанной с древнерусской. Установка на профетический характер творчества в целом была характерна для восточнославянского средневековья. «Слово калугера о чтении книг» из Изборника 1076 г., «древнейший литературный манифест православной славянской цивилизации» [Пиккио, 2003. С. 134], утверждает принцип Божественного вдохновения (с аллюзивными отсылками на Псалом 118) и авторитет образцов, представленный Священным Писанием и преданием. Именно Псалом 118 дает «духовный код» средневековой словесности: «Благословенны испытующие откровения Его, ибо они всем сердцем взыскуют его» (Пс 118: 2). Установка на вдохновение и связанный с ним

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00274а).

¹ К ним относятся Книги Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Премудростей Соломона и Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова.

² Ср. также: Коринф 1:18–28; 2:6–7; 4:11–13.

³ Достаточно вспомнить эпизод из Жития Сергия Радонежского, где повествуется о чудесном овладении грамотой святым отроком после безуспешных попыток освоить ее обычным путем.

принцип образцов («imitatio»), господствовавший в «практической» поэтике Средневековья, по мнению Риккардо Пиккио, были главными причинами того, что Древняя Русь почти не знала риторик и поэтик. «Слово калугера» да еще трактат «О образех» Георгия Хировоска из Изборника 1073 г. (и то, и другое – переводные византийские сочинения), являются редкими исключениями. «Христианское православное догматическое учение как таковое, в своем неделимом единстве, являлось функциональным эквивалентом того, что с современной точки зрения можно назвать «теорией литературы» [Там же. С. 129].

В Московской Руси теории текста, порожденные «новым культурным сознанием» [Калугин, 1996. С. 611–616] и связанные с утверждением *Slavia Orthodoxa*, появились к середине XVI в., когда благодаря усилиям Максима Грека, Андрея Курбского, Федора Карпова и некоторых других деятелей культуры появляются тенденции высокой оценки гуманитарной учености книжника, требования филологической обработанности текста, сопровождавшиеся ориентацией на нормативные кодексы – грамматики, риторики. Однако эти проникавшие на Русь новые теории текста не означали в то время коренной перестройки филологической культуры. Это произойдет позднее – во второй половине XVII – начале XVIII в., в эпоху раннего Нового времени. Именно следование нормативным стратегиям риторик и поэтик, распространявшим свое влияние на словесное творчество в России со второй половины XVII в.⁴, следует признать главным показателем изменений, происходивших в области словесности (хотя, разумеется, сущность культурного переворота, произошедшего на рубеже XVII–XVIII вв., нельзя свести к одной особенности). С. Матхаузерова справедливо пишет о столкновении в это время традиционной «субстанциональной» теории текста с новой для России «рационалистической» (на этом основании противопоставляя, например, барочных силлабиков и староверов), но она же проникательно отмечает то, что эти тенденции не были жестко за-

креплены за одной идейной партией [Матхаузерова, 1976. С. 271–284].

Первые расколоучители категорически отрицали всяческое литературное умствование, риторство и философию [Панченко, 1973. С. 190–193; Лахманн, 2001. С. 32–40; Успенский, 1996]: «не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам» – заявлял протопоп Аввакум [Робинсон, 1963. С. 42]⁵. Не случайно высшим образцом для него служили послания апостола Павла [Герасимова, 1993. С. 33–56]. Закономерен и юродский стиль поведения Аввакума. В контексте его анализа уже приводилась фраза, сказанная протопопом в ответ на упреки патриархов, поддавшихся, на его взгляд, «новинам»: «Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же бесчестни! Вы сильны, мы же немощни!» [Лихачев и др., 1984. С. 67].

Старообрядцы «второго поколения», деятели знаменитого центра на Выге, основанного в конце XVII в., истинную премудрость связывают уже напрямую с риторикой, философией и прочими «науками». Основные принципы Выговской литературной школы определились уже в первые два десятилетия XVIII в., чему в немалой степени способствовала активная литературная и теоретическая деятельность руководителя Выговского центра, крупнейшего идеолога старообрядчества, талантливого писателя и полемиста Андрея Денисова [Дружинин, 1911; Поньрко, 1979; Юхименко, 2002]. В творчестве выговских книжников меняется традиционное отношение к тексту: принцип имитации, следования древним образцам ограничивается воспроизведением отдельных элементов прежней поэтической системы (в частности, это был обширный круг авторитетных цитат⁶), сам же процесс создания оригинальных сочине-

⁵ Оставляю в стороне те черты творчества и поведения Аввакума, в которых исследователи усматривают, вопреки его субъективным установкам, веяния Нового времени – личностное начало, барочные тенденции.

⁶ В новейшей работе Н. С. Гурьянова показала, что огромная подборка цитат, составленная и систематизированная Геронтием Соловецким, оказала влияние на всю последующую книжную традицию старообрядцев, предоставляя круг авторитетных текстов, особенно важных для ведения полемики с оппонентами (Гурьянова Н. С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, в печати).

⁴ В значительной степени это было обусловлено общим процессом европеизации русской культуры, а также с широким проникновением южно-русской «учености» в Московскую Русь [Гурьянова, 2007].

ний ориентирован на современные риторические модели.

Доказано, что выговские книжники знали все книги по риторике, распространенные в России на рубеже XVII–XVIII вв. [Понырко, 1981. С. 154–162]. К ним относится прежде всего риторика Софрония Лихуда 1698 г. в переводе бывшего афоноиверского иеродиакона Козьмы и собственная Риторика Козьмы 1710 г. Обе эти книги, возникшие в среде писателей «старомосковской» партии, имеют ярко выраженный барочный характер. Основаны они на «Искусстве риторики» Франциско Скуффи 1681 г. – греко-униата, преподававшего философию и богословие в венецианской эллинской школе [Лопарев, 1907. С. 146–198]. Выговцы учились искусству слова и по «Ключу разумения» Иоанникия Галятковского, выдающегося южно-русского гомилета второй половины XVII в. В выговском сборнике начала XVIII в. из собрания Института истории СО РАН (№ 97/70) удалось обнаружить список буквального перевода на русский язык трактата по составлению проповедей из этой книги [Журавель, 2008а]. Использовали выговские старообрядцы и риторическое оружие своих современников, известных деятелей православия, писателей и проповедников Феофана Прокоповича, Стефана Яворского. Все эти книги в разной степени отразили пестрый спектр тенденций, характерный для России «переходного периода»: барочных, гуманистических, просветительских. Все стратегии, представленные в риториках упомянутых авторов, предполагают рационализацию и логизацию творческого процесса, содержат те «хитрости», которых так опасались древнерусские книжники. Наибольшим приоритетом у Андрея Денисова пользовались барочные риторики – Софрония и Козьмы, не случайно именно Риторика Софрония легла в основу ⁷ оригинального труда – созданной в конце 20-х гг. XVIII в. Риторики-свода ⁸ [Понырко, 1981]. Большое внимание Андрей Денисов уделял риторическому и логическому учению Раймунда Люллия – средневекового философа, богослова и поэта, сочинения которого были из-

вестны в России в рецепции Андрея (Яна) Белобоцкого – барочного поэта и философа, осужденного за еретические взгляды [Горфункель, 1992. С. 128–131]. В «Великой науке» Люллия-Белобоцкого, переработанной в 1725 г. Андреем Денисовым [Никанор, 1913. С. 10–36; Дружинин, 1914. С. 342–344; Журавель, 2005], логический метод был предложен в качестве «ключа к овладению всеми науками». В Риторике Люллия-Белобоцкого даны описания шести форм только одного из жанров словесности – проповеди. Все эти формы можно найти в структуре проповеднических сочинений Андрея Денисова, а иногда – комбинацию нескольких форм ⁹. Показательно отсутствие единого образца, множественность, вариативность моделей. В этом, возможно, следует видеть одно из проявлений релятивистской теории текста, характерной для барокко, стиля, глубоко проникшего и в выговскую литературную культуру [Юхименко, 2002; Журавель, 2008б].

Общая тенденция различных риторики, знакомых выговцам, – обличение невежества, той самой «простоты», граничащей с «буйством», которую полемически противопоставлял «внешней» мудрости своих идейных противников протопоп Аввакум. В риториках утверждался приоритет разума и учености, порицалось «безумие» и «буйство». Эта оппозиция характерна для барочных Риторик Софрония Лихуда и Козьмы: учение противопоставляется безумству, буйству, простоте, невежеству. Старославянское слово «буй» последовательно обретает негативную коннотацию. Фрагменты, где выражен этот взгляд на истинную мудрость, вошли в неизменном виде в выговскую Риторику-свод, а затем в основанную на ней Поморскую риторику ¹⁰ [Понырко, 1981. С. 161] ¹¹). Кроме того, та же тема звучит в оригинальных примерах, составленных для Риторики-свода выговскими книжниками: в так называемых «достоинствах» (логических

⁷ См. об этом: Журавель О. Д. Выговские риторики и проблема жанровой типологии старообрядческой проповеди // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, в печати.

⁸ БАН. Собр. Дружинина, № 122.

⁹ Проповеди Андрея Денисова, за редкими исключениями, не опубликованы и не изучены. Подробнее см. в статье: Журавель О. Д. Выговские риторики и проблема жанровой типологии старообрядческой проповеди // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, в печати.

¹⁰ РНБ, Q. XV.101, 60–70-е гг. XVIII в.

¹¹ О наличии в Поморской риторике подобных статей см. [Гурьянова, 1998].

упражнениях-образцах) Мануила Петрова¹²: «Кое благополучие у безумного помышляеши быти? Мудростию ли он просвещается, но в безумии всегда пребывая, не хочет нимало во учении мудрости потрудиться; от собрания ли разума ум свой обогащает, но сей когда-либо разумных словес не хочет послушати... Беседами ли разумными с премудрыми человеки чюства разумныя просвещает, но яко свиния калом, тако сей глаголы *безумными и буими* (курсив здесь и далее мой. – О. Ж.) услаждается...»¹³. Антонимическое противопоставление «безумных» и «ученых» проходит через многие примеры в обеих выговских оригинальных риториках. Премудрость же виделась прежде всего в словесном искусстве, в овладении риторским художеством, в «собирании» разумных богатств.

Показательно предисловие к тематическому сборнику, составленному уже последователями Денисовых в последней четверти XVIII в.¹⁴. Сборник содержит Риторику Феофана Прокоповича, грамматику и два слова Андрея Денисова, демонстрирующих «риторскую премудрость»: «Сотове медовни...» [Дружинин, 1912. С. 118, № 121] (см. о нем далее в нашей статье) и «Слово о девстве» [Там же. С. 115–116. № 110]. Приведем фрагмент из этого предисловия.

«Колико есть добра и неоцененна предажайшая премудрость, благоразумнии читателие, яко премудрейший царь Соломон дражайше всех видимых славных веществ предсудих ю быти <...> Аще же толикою превысочайшею честью толикий всепремудрейший муж почти неоцененно дражайшую премудрость, то кто из земнородных не возрачителствует о стяжании ея, ибо по его же сказанию вся нам благая с нею приходят... Она учит правде и мужеству, целомудрию же и кротости. В чем же она совершенно состоит и какая себе пространнейшая определения притяжет, о сем особливо целым словом доказано будет. Ныне же вкратце чин оный zde показуется, порядок к сей предлежит в разсуждении словеснаго художества *наиболее от орфографии, поступая в этимологию*, а от сего *в синтаксис*, в по-

этику, в логику или в риторику. Аще же из синтаксиса поступит кто в риторику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовать, *присовокупя к сему Раймундову философию или метафизику*. И тако для сего учения вкратце здесь предлагается краткий сий и ясный *новосочиненный в северных странах синтаксис*, посем *краткая и ясная приложена знатнаго российского ритора Феофана Прокоповича Риторика*, а потом и сочиненныя чрез риторская места *нашим ритором Андреем Дионисиевичем* предлагаются два слова, дабы желающеи изучитися риторскому художеству по изучении синтаксиса и риторики чиновне умели слагати и целыя слова...»¹⁵.

Это текст замечателен во многих отношениях: перечислением сочинений, составляющих основу «премудрости» (куда включена, в частности, философия Раймунда Люллия), апелляцией к Соломону, тем, что «знатный российский ритор», высокий представитель православной церкви Феофан Прокопович оказывается в одном ряду со старообрядцем, «нашим ритором Андреем Дионисиевичем». Причем риторика первого названа в качестве обязательного теоретического пособия, а слова Андрея Денисова – в качестве реализации подобных теорий¹⁶.

Сочинение, включенное в этот сборник в качестве образца для «желающих изучитися риторскому художеству», – одно из наиболее совершенных в художественном отношении слов Андрея Денисова. В слове на «фему»¹⁷ «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцеление души» (Прит 16:24) прославляется премудрость, и прочел его выговский наставник, по свидетельству биографа Андрея Борисова, в Киеве (куда ездил в 1718 г.) перед слушателями Киево-Могилянской академии, снискав при этом высокие оценки знатоков киевской учености [Дружинин, 1911. С. 25]. Библейские цитаты, в основном из Ветхого Завета, излюб-

¹⁵ БАН. Собр. Дружинина, № 124. Л. 2–4.

¹⁶ Отметим, что сам Андрей Денисов не акцентировал имени своего современника Феофана Прокоповича, переписывая его сочинение: в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 318, нач. XVIII в., как выяснилось, содержится список этой риторики, сделанный его собственной рукой, но ни автора, ни названия там не указано. Именно поэтому исследователи до сих пор не обращали на этот список специального внимания.

¹⁷ Так назывался в риторической традиции «библейский тематический ключ» – последний термин принадлежит Р. Пиккио.

¹² Инициалы Мануила Петрова, помощника и ученика Андрея Денисова, известного выговского писателя, были стерты, но легко прочитываются.

¹³ БАН. Собр. Дружинина, № 122. Л. 502 – 502 об.

¹⁴ Там же. № 124.

ленного источника аргументации южно-русских и московских барочных проповедников [Попов, 1886. С. 72], вводятся в текст этого слова столь обильно, что сочинение читается почти как риторически украшенный парафраз, как образец «ращения словес» [Маркасова, 2002. С. 119] на основе темы, заданной библейской метафорой. Общая его архитектура достаточно традиционна для южно-русской и зависимой от нее московской проповеднической школы: это так называемая 8-частная «хрия» (по терминологии Люллия-Белобоцкого, «1-я форма риторическая»). Тема мудрости представлена здесь как тема обогащения, стяжания учености, реализована через образы золота, драгоценных украшений. Сочинение отличается разработанной ритмикой, фоникой, что характерно для лучших образцов проповеднического творчества Андрея Денисова.

В полном согласии с тенденцией, выраженной риториками, находится и сочинение, относящееся к пограничному с проповедью жанру послания, «О любомудрии», того же автора [Дружинин, 1912. С. 110, № 80]: «ибо мудрость есть искусство божественных и человеческих вещей, богданное разумное имение»¹⁸. Слово начинается пышным тропом – «любомудрия светлейшие рачители» уподобляются пчелам, собирающим мед. Автор дает собственную цветистую риторическую вариацию метафоры, известной и в средневековой, и в барочной культуре:

«Якоже пчелное люботрудие, естествоводимо, изяществует в медособирании, – всюду обтичюще, на всяк сад и цвет устремляются, крины селныя сосут, травы лугов облизуют, татебствуют всяко насеяние; капли медовныя от всех крадуше, собрание пресладко и дивно меда собирают, и не своему точию чреву и гортани плодоносяще, но приизобильно собирающе, яко домом и купилищем довольствовати от сладости собрания их, – сие любомудрия светлейшии рачители от веков возрастшия любомудрецов любомудрия винограды тако лобызают...» Овладение мудростью и здесь осмысливается как обогащение, накопление, собрание сокровищ. Не случайно в не-

большом сочинении Андрея Денисова слова с корнем *богат* / *богащ* употреблены 16 раз. Стилистические приемы, утверждавшиеся в барочных риториках, повторы и корневая синонимия, акцентировали принцип лейтмотивности, свойственный барочным текстам. Так, одним из сквозных мотивов Слова о любомудрии Андрея Денисова становится мотив богатства. Приведем цитату, в которой речь идет о собирателях мудрости: «На всяк доброразумия сад, яже узрят, устремляются, от всякаго, яже обрящут, доброумия источника черплюще, возгромаждают сокровище премудрости. И тако *обогащися, обогащают* другия, *обогащающе* же иныя, многосугубнейше *преобогащаются*». Как видно из приведенной цитаты, здесь используется и метафора, реализующая образ выращиваемого дерева. В итоге возникает мотив сада, тесно связанный, как известно, в письменной и устной христианской традиции с темой рая. Адресат послания назван «богатособирателем», наслаждающимся «в премудрых садах пресладкаго разумособрания».

Кроме того, овладение книжной премудростью уподобляется здесь солнечному свету и сравнивается с тем, что освещает вселенную, при этом подчеркивается преимущество солнца просвещения: «оно во дни токмо, наипаче же в весну и лето, си еже и в нощех, и в осень, и зиму равно осветлевающе рачители своя».

Вслед за посланием о любомудрии Андрея Денисова в том же сборнике из собрания Института истории СО РАН переписано сочинение его брата, известного писателя и киновиярха Семена Денисова, развивающее ту же тему, «Послание отца Симеона Дионисиевича к некоему премудру мужу о любомудрии» [Дружинин, 1912. С. 152, № 87]. И в этом сочинении истинная мудрость трактуется как широта познаний, как ученость, составляющая «всеблагодатное естество разумнаго богатства», она есть «всепредивное совершенство всепресладкаго любомудрия»¹⁹.

Место, куда адресовано послание, обозначено как «асийския предѣлы» («и асийския предѣлы и Вашу любовь достизая»). Так в выговских памятниках назывались

¹⁸ Здесь и далее цит. по самому раннему списку (30–40-х гг. XVIII в.) из собрания Института истории СО РАН (Собрание ИИ СО РАН. № 97/70. Л. 198–206).

¹⁹ Цит. по списку из собрания Института истории СО РАН (97/70), донесшему самый ранний (30–40-х гг. XVIII в.), хотя и не полный, текст сочинения (В. Г. Дружинин сообщает о единственном списке XIX в.).

Сибирь, Зауралье («Асия Симовна» в одном из надгробных слов). Спустя три с половиной столетия это послание, пройдя путями миграции осваивавших восточные пределы страны староверов, оказалось в собрании рукописей Института истории СО РАН, напоминая, наряду с другими текстами сборника, о высокой книжной культуре крупнейшего старообрядческого центра.

Теории текста старообрядцев Выга XVIII в., основанные на европейских риторических учениях XVII–XVIII вв., были связаны с общекультурными процессами той эпохи. Общая тенденция дальнейшего пути старообрядческой письменности отчасти связана с консервацией разных традиций – как и традиции выговской (благодаря чему мы обретаем тексты выговских писателей в поздних сборниках представителей разных согласий), отчасти с возрождением средневекового отношения к текстам. Не случайно юродская парадигма реализуется в агиографическом творчестве староверов-часовенных конца XIX – середины XX в. [Журавель, 2002. С. 32–36]. Трепетно-бережное отношение к авторитетным книжным образцам сочетается со смелой постановкой весьма острых догматических вопросов. В области же словесной культуры, несмотря на несколько ярких имен народных старообрядческих книжников, мы должны признать постепенное затухание высокой филологической культуры и вторжение (в лучших образцах староверческого творчества) фольклорной стихии [Покровский, Зольникова, 2002. С. 314–394].

Список литературы

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. Брюссель, 1989.

Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» протопопа Аввакума. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1993.

Горфункель А. Х. Белобоцкий Ян // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1.

Гурьянова Н. С. Старообрядческая литературная школа в контексте русской культуры XVIII века // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов (Кра-

ков, 1998 г.): Доклады российской делегации. М., 1998. С. 117–132.

Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 379 с.

Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912. С. 88–128.

Дружинин В. Г. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342–344.

Журавель О. Д. «Мы безумны Христа ради...» (К вопросу о месте юродства в культуре старообрядчества) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 32–36.

Журавель О. Д. «От великаго моря в мал сосуд воды почерпаем...» (еще раз о Выговской переработке «Великой науки Раймунда Люллия») // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 373–388.

Журавель О. Д. Новые сведения о выговской книжности (на основе сборника из коллекции рукописей Института истории СО РАН) // Книга в пространстве культуры: Сб. ст. М.: Изд-во: РГБ, 2008а. С. 47–57.

Журавель О. Д. О барочных тенденциях в старообрядческой книжности первой трети XVIII века // Гуманитарные науки в Сибири. 2008б. № 3. С. 12–17.

Иванов С. А. Византийское юродство. М.: Междунар. отношения, 1994.

Калугин В. В. Теории текста в русской литературе XVI в. // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. Т. 50. С. 611–616.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятия поэтического. СПб.: Академ. проект, 2001.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.

Лопарев Хр. «Риторика» Космы Грека 1710 года и «примеры» из нея по русской истории // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12, кн. 4. С. 146–198.

Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII веков. Петрозаводск: Изд-во Петр. ГУ, 2002. 204 с.

Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 271–284.

Никанор, архим. «Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10–36.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 279 с.

Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.

Поньрко Н. В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII ст.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Попов В. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886.

Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М.: Наука, 1963.

Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) //

Успенский Б. А. Избр. тр. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 2: Язык и культура. С. 5–28.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

Список сокращений

ИИ СО РАН – Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

БАН – Библиотека Академии наук

РНБ – Российская национальная библиотека

ГИМ – Государственный исторический музей

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

Материал поступил в редколлегию 12.11.2008

O. D. Zhuravel

«REASON OF THE CHRIST» AND «LYUBOMUDRIE»: TWO CONCEPT OF WISDOM IN THE NATIONAL CHRISTIAN LITERATURE OF OLD BELIEVERS

In article the problem of two cultural models which are taken place in the old believe literature in 17–20th centuries is mentioned. The main attention is given to new trends in rhetorical culture of Vyg in the 18th century.

Keywords: rhetoric, old-believers, baroque, sermon.